

УДК 327.7

СЕВЕРОАМЕРИКАНСКАЯ МОДЕЛЬ ИНТЕГРАЦИИ

© 2011 г. **Е.Г. Комкова***

Институт США и Канады РАН, Москва

В статье формулируются основные особенности североамериканской модели интеграции, показаны её отличия от европейской и других региональных моделей. Делается попытка объяснить эти отличия более фундаментальными причинами – преобладающим в регионе типом капитализма, господствующей системой права, а также федерализмом как формой государственного устройства.

Ключевые слова: *Североамериканская модель интеграции, сравнительный регионализм, Канада.*

С течением времени североамериканская модель интеграции вызывает всё больший интерес. Во-первых, НАФТА наряду с Евросоюзом представляет собой один из немногих примеров успешно функционирующего высокоинтегрированного регионального хозяйственного комплекса. Во-вторых, с подписанием двустороннего канадо-американского соглашения о свободной торговле (ФТА), а затем НАФТА с участием Мексики североамериканская модель, до того развивавшаяся в отсутствие всеобъемлющих межгосударственных соглашений, стала больше походить на ЕС, на опыт которого привыкли ориентироваться в нашей стране. В-третьих, частично поблекла притягательность самой европейской модели, воспринимаемой сегодня многими, в том числе в России, как «сверхбюрократизированное образование, проводящее социалистическую экономическую политику, препятствующую экономическому росту» [3, с. 370–371]. Наконец, с приходом эры «нового регионализма» в мире резко возросла численность и популярность именно соглашений о создании зон свободной торговли**, причём, в большинстве случаев асимметричного типа, многие из которых «скроены» по лекалам ФТА и НАФТА.

* **КОМКОВА Елена Геннадиевна** – кандидат экономических наук, заведующая сектором политических проблем Канады ИСКРАН. E-mail: racs@yandex.ru

** По данным ВТО, на начало 2011 г. в мире насчитывалось 297 региональных торговых соглашений. Подавляющее большинство из них (174, т.е. 58%) составляли соглашения о свободной торговле; доля же таможенных союзов находилась на уровне 5,4% (16 штук), соглашений об «экономической интеграции» – 27,6% (82), соглашений о преференциальной торговле – 4,7% (14); остаток в 4,3% классифицировался как «соглашения о присоединении к тем или иным видам региональных торговых соглашений» (<http://rtais.wto.org>).

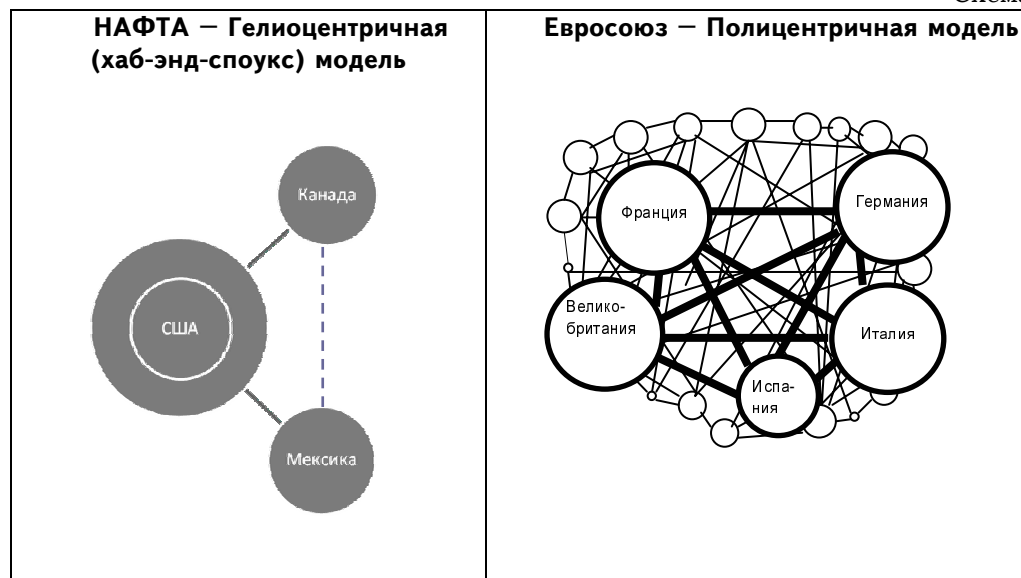
Особенности североамериканской модели

На наш взгляд, можно выделить несколько характерных особенностей североамериканской модели интеграции*:

1. **Малое число участвующих государств** (три в НАФТА против 27 в Европейском Союзе) **при наличии между ними огромной асимметрии** в политической, экономической и военной мощи. В Европе имеются четыре (или «четыре с половиной» с учётом Испании) крупные страны – Германия, Великобритания, Франция и Италия, уравнивающие друг друга, в Северной же Америке ВВП Канады соответствует только одной одиннадцатой ВВП США, а ВВП Мексики – одной тринадцатой (данные за 2009 г. [28]), при том, что обе они ещё больше уступают США по политическому и, тем более, военному «весу». Как верно заключает американский политолог Р. Пастор, «североамериканская модель имеет только одно доминирующее государство... эти элементы в двух моделях всегда будут различаться» [22].

С этой точки зрения, североамериканскую модель интеграции можно охарактеризовать как гелиоцентричную, которую, с лёгкой руки канадских учёных П. и Р. Уоннакотов, называют «хаб-энд-споукс», в дословном переводе – модель «ступица-спицы». В сравнении с полицентричной структурой Евросоюза её, с известной долей условности, можно представить в следующем графическом виде:

Схема

* Ранее на эту тему писали: *Бородаевский А.Д.* США – Канада: региональный хозяйственный комплекс. М.: Мысль, 1983. С. 28–62; *Попов В.В.* Североамериканская интеграция: общее и особенное // Канада – США: экономические и политические отношения. М.: Наука, 1983. С. 6–31; *Лавровская Т.В.* Североамериканская интеграция: экономические и политические аспекты / Отв. ред. А.В. Аникин. М.: Наука, 1987, С. 26–45; *Козлова О.А.* Экономическая интеграция в Северной Америке // Международная экономическая интеграция: учеб. пособие / Под ред. Н.Н. Ливенцева. М.: Экономистъ, 2006. С. 169–191.

Объективно существующая в Северной Америке асимметрия ещё больше усиливается за счёт поведенческого фактора. Если в Европе самое сильное государство – Германия, стремясь искупить вину нацистов, делает всё возможное, чтобы ограничить свои национальные амбиции и способствовать строительству эффективных панъевропейских институтов, то в Северной Америке Соединённые Штаты, приверженные идее американской исключительности, не испытывают никакого желания поступиться даже малой толикой своего государственного суверенитета ради создания совместных трёхсторонних органов по управлению интеграцией.

2. Разные цели интеграции: если в ЕС официально декларированной и разделяемой элитой и общественностью целью является политический союз, то в Северной Америке преследуются в основном прагматические и по большей части экономические мотивы. В их числе – защита капиталовложений американских ТНК от экспроприации в Мексике, обеспечение стабильности и бесперебойности энергетических и других сырьевых поставок в масштабах континента, содействие проведению структурной перестройки экономики, гарантирование необратимости демократических преобразований в Мексике и втягивание этой страны в американскую (а в более широком плане – в западную) орбиту, общее повышение эффективности транснационального производства в масштабах континента и на этой основе усиление международной конкурентоспособности североамериканских товаров и подъём жизненного уровня населения.

Главным мотивом к объединению (западно)европейских стран после окончания Второй мировой войны был политический: желание избежать очередной катастрофической войны в Европе путём примирения извечных соперников – Германии и Франции. Это нашло отражение в преамбуле к Римскому договору, где сказано, что страны-участницы стремятся «заложить основы всё более сплочённого союза народов Европы».

В североамериканском случае такой большой объединяющей идеи попросту нет. По сравнению с возвышенным стилем Римского договора, преамбула к соглашению НАФТА выглядит, по меткому замечанию канадского профессора Дж. Уэлш, как контракт между покупателем недвижимости и банком, выдающим ипотечный кредит. Она обязывает правительства США, Канады и Мексики «создать большой по размеру и безопасный рынок», «уменьшить препятствия в области торговли» и «усилить конкурентоспособность компаний» [25, р. 35, 36].

В результате, в Северной Америке создана уникальная модель тесной экономической интеграции без всеобъемлющей политической интеграции. Более того, разговоры о политической интеграции до сих пор относятся к категории табу не только в Канаде и Мексике, но и в самой мощной державе современного мира – США. Как свидетельствуют Д. Мейерз и К. О'Нил, «политическая интеграция а-ля Европейский Союз во всех трёх (североамериканских) странах предаётся анафеме...» [16, р. 3].

Интересные объяснения по поводу того, почему так происходит, предлагает канадский исследователь Б. Уилкинсон. «Возможно, – пишет он, – что идея образования политического союза просто считается настолько нелепой и аб-

сурдной, что не заслуживает внимания. Канада является суверенным государством и сможет всегда отстоять свои интересы, какими бы тесными ни были её связи с США. США не поднимают этот вопрос потому, что у них просто нет намерения объединяться с Канадой».

Не исключена и другая мотивация: «Правительства обеих стран понимают, что в конечном счёте США и Канада могут создать политический союз, но предпочитают, чтобы это произошло постепенно, без лишней шумихи и ненужного ажиотажа. США опасаются, что открытое обсуждение этого вопроса может вызвать негативную реакцию у канадской общественности и ухудшить двусторонние отношения, а также выставить их в неприглядном свете в глазах мирового сообщества. Для Канады такие разговоры нежелательны потому, что патриотически настроенные избиратели могут просто провалить правящую партию на очередных выборах. Поэтому и Вашингтону, и Оттаве выгоднее до поры до времени скрывать свои замыслы и ждать удобного момента».

Наконец, третье объяснение заключается в том, что «хотя такой союз вполне возможен, в обеих странах он считается ненужным. США полагают, что уже достигли многих своих важных целей в Канаде – а именно, снижения её сравнительно высоких таможенных тарифов на промышленную продукцию, беспрепятственного доступа к природным ресурсам по ценам, не превышающим внутрикандские, снятия или существенного уменьшения ограничений на приток иностранного капитала, аннулирования оказавшегося невыгодным для США Автопакта. При этом политически они не понесли за это никакой ответственности перед канадскими избирателями, что имело бы место в случае существования политического союза, когда их интересы представляли бы избранные от канадских округов конгрессмены и сенаторы. Отсутствие интеграции в политической сфере, судя по всему, вполне устраивает и канадские правящие круги: с одной стороны, они всё равно пользуются особым расположением со стороны США, а с другой, создаётся впечатление, что все важные экономические и политические решения принимаются ими самостоятельно» [27, р. 69-71].

3. Интеграция не «сверху», а «снизу». Её движущие силы – транснациональные корпорации, базирующиеся как в США, так и в Канаде, и привыкшие в своих инвестиционно-сбытовых решениях рассматривать весь континент как единую торгово-производственную площадку; финансируемые из частных источников «мозговые» и научно-исследовательские центры неолиберального направления, видящие в интеграции действенное средство для поднятия эффективности производства и повышения международной конкурентоспособности североамериканских товаров; канадские провинции, многие из которых (включая самую развитую провинцию Онтарио) до начала реализации ФТА и НАФТА с подозрением относились к экономическому сближению с США; крупные города, стремящиеся стать международными транспортно-логистическими узлами для обслуживания клиентов по всей Северной Америке, рядовые граждане, связанные через границу родственными и дружескими связями, рабочими контактами, туристическими поездками и владением недвижимостью в соседней стране. Поэтому о канадо-американской интеграции часто говорят как о «естественном» процессе.

4. **Спонтанный (стихийный) характер интеграции.** Эта особенность тесно связана с предыдущей. Дело в том, что, в отличие от Европы, в Северной Америке интеграция с самого начала развивалась без заранее обдуманного плана. Вот как сформулирована эта мысль в докладе Постоянного сенатского комитета по иностранным делам Парламента Канады: «Северная Америка эволюционировала, особенно не задумываясь ни о том типе отношений, который может возникнуть, ни о тех институтах, которые могут понадобиться» [15, р. 25]. В силу такой эволюции децентрализованная североамериканская региональная группировка соотносится с «централизованной и забюрократизированной европейской моделью» как «диаметрально противоположная» [6, р. 6].

5. **Отсутствие наднациональных органов** (институтов), решения которых носят обязательный для участвующих стран характер, и минимальное количество межгосударственных организаций с консультативными и рекомендательными функциями. Именно эта особенность, наряду с отсутствием вплоть до 1988 г. формального соглашения об интеграции, по типу Римского договора, долгое время смущала многих исследователей и не позволяла им безоговорочно отнести те процессы, которые интенсивно происходили в Северной Америке, к категории интеграционных. Отсутствию наднациональных органов, которые считались необходимыми для государственно-монополистического управления интеграцией, были даны по меньшей мере два правдоподобных объяснения.

Одни учёные утверждали, что, поскольку в интеграционном процессе участвуют всего две страны – США и Канада, то это «облегчает согласование и выработку совместной экономической политики и позволяет эффективно проводить такую политику через национальные органы экономического регулирования» [1, с. 9]. Другие полагали, что специальные политические институты в Северной Америке были не нужны, так как «в этом регионе отсутствовали серьёзные препятствия, способные помешать экономической интеграции развиваться на частно-монополистической основе» [2, с. 29].

Но есть и третий вариант ответа: главная причина состоит в сильно асимметричном характере взаимозависимости между США и Канадой, что делает для более слабого партнёра нереалистичной задачу отстаивания собственных национальных интересов в любой наднациональной структуре с участием гегемона, даже при формально провозглашенном равенстве сторон. Если участников всего два (как это было в ФТА), то США проиграть все равно не могут, в худшем случае будет патовая ситуация. Если же три, как в НАФТА, то, даже голосуя солидарно, Канада и Мексика никогда не смогут заставить Вашингтон выполнять те решения, которые ему не выгодны. «Как известно, США традиционно с недоверием относятся к участию в международных организациях, а канадцы боятся, что не смогут совладать с американским влиянием и нажимом в совместных законодательных или исполнительных органах даже с ограниченными полномочиями. Как констатирует Редж Уитакер, “американцы не хотят слышать ни о чём таком, что может ослабить их суверенитет, и, в любом случае, огромная диспропорция в размерах и весе между двумя странами будет означать, что в любой политической суперструктуре голос Канады будет неразличим”» [26, р. 199].

Суть канадского подхода лучше других сформулировал ещё в 1981 г. в своём классическом труде известный канадский дипломат и мэтр внешнеполитического анализа Дж. Холмс: «Канадо-американские отношения должны основываться не на наднациональных органах, а на силе процессов и привычки... Эффективные модели прагматических и деловых контактов позволяют Канаде добиваться соглашений, которые никогда не будут заключены на более высоком уровне, а сотрудничество такого рода уменьшает необходимость в создании официальных организаций» [11, р. 47].

По мнению рупора канадского большого бизнеса – Совета главных исполнительных директоров, «...с самого начала в Северной Америке существовал консенсус относительно того, что для управления канадо-американским партнёрством американские эквиваленты Европейского парламента или Европейской комиссии не нужны» [19, р. 30].

Наиболее успешными примерами двусторонних канадо-американских органов считаются Постоянный совместный комитет по обороне и НОРАД в военной сфере, а также созданная ещё в 1909 г. Международная совместная комиссия по пограничным водам – организации, более скромные по размерам, чем существующие в Европе, которые были образованы для решения узких и конкретных задач и часто действуют не на постоянной, а на временной основе (что не исключает возможности неоднократного продления их мандатов). Анализируя их успехи, уже упоминавшийся Дж. Холмс даже вывел некий универсальный «принцип совместности», на котором и должна, по его мнению, строиться работа всех канадо-американских организаций. Его смысл в том, что в рамках Международной совместной комиссии по пограничным водам работают по существу две (национальные) комиссии, которые, действуя в унисон, представляют рекомендации своим правительствам, чьи суверенные права на самостоятельное принятие решений при этом сомнению не подвергаются» [11, р. 45, 46 72].

6. Разноскоростная интеграция с самого начала: одна скорость развития у отношений Канада – США, другая – у отношений США – Мексика, и третья – в паре Канада – Мексика, где интернационализация связей вообще не достигла интеграционного уровня. К числу примеров такого рода можно отнести соглашения об «умной» границе, которые США, несмотря на их однотипность, подписали отдельно с Канадой (в 2001 г.) и отдельно с Мексикой (в 2002 г.); Декларация о «периметре безопасности и экономической конкурентоспособности», которую в двустороннем формате провозгласили в феврале 2011 г. президент США и премьер-министр Канады.

Здесь следует отметить, что отход от формально провозглашённого в соглашении НАФТА трилатерализма, которого на практике не было и в 1990-е годы, начался сразу же после событий 11 сентября 2001 г., ставшего самым серьёзным внешним шоком для североамериканской интеграции. Его инициатором выступила Канада, которая, столкнувшись с перспективой закрытия или существенного замедления пропуска грузов и пассажиров через жизненно важную для её экономики границу с США по соображениям безопасности, не захотела, чтобы её ставили на одну доску с Мексикой, чья граница ассоциируется в глазах американцев с массовым проникновением нелегальных имми-

грантов и контрабандой наркотиков. В Оттаве сочли, что смогут добиться большего, если будет действовать на американском направлении без Мексики. С приходом в Белый дом Б. Обамы аргументы Канады были услышаны в Вашингтоне. Так что в последние годы последовательной сторонницей реализации трёхсторонних схем интеграции остаётся, пожалуй, только Мексика.

«Успешное заключение трёхстороннего соглашения НАФТА, – справедливо заключают Б. Даймонд и М. Харт, – породило надежды на эволюцию североамериканского сообщества. Но этого не произошло... Канадо-американская повестка дня остаётся по своему характеру не столько трёхсторонней, сколько двусторонней. Мексиканский фактор является важным, но не решающим» [9, р. 79].

7. Интеграция по инициативе не самого сильного участника – США, а **более слабых партнёров** – Канады и Мексики, с тем чтобы не воскрешать в этих странах старые страхи относительно американского экспансионизма. На протяжении всей своей истории канадцы не без оснований опасались того, что экономическая интеграция с южным соседом может обернуться для них интеграцией политической, чреватой эрозией государственного суверенитета. Эти страхи по меньшей мере дважды были близки к тому, чтобы материализоваться: в 1911 г., когда избиратели провалили на выборах правившую Либеральную партию под руководством У. Лорье, заключившую фритредерский пакт с США, и в 1948 г., когда премьер-министр У. Маккензи Кинг, ведший секретные переговоры с Вашингтоном о заключении таможенного союза, принял одностороннее решение об их прекращении, несмотря на достигнутый прогресс. Даже в случае с соглашением ФТА в 1988 г., которое правительству Б. Малруни удалось в конечном счёте провести через парламент, оно на первых порах столкнулось с требованием канадского сената о проведении новых выборов, так как, по мнению большинства, столь монументальный для судеб страны вопрос требовал ясного мандата от избирателей. Что касается Мексики, то её отношения с США развивались ещё более драматическим образом: как известно, в середине XIX века США аннексировали около половины первоначальной территории этой страны.

«В истории канадо-американских отношений идеи обычно исходят с Севера не потому, что наши американские собратья не имеют идей, а потому, что у американцев слишком крупные идеи, тогда как канадцы, или по крайней мере их политики, предпочитают идеи помельче», – отмечают такие внимательные наблюдатели, как Б. Даймонд и М. Харт [9, р. 79]. Другое объяснение – асимметричный характер отношений, делающий Канаду по необходимости больше заинтересованной в развитии двустороннего сотрудничества. «Это означает, – пишет американский специалист Д. Мейсон, что поступление политических предложений со стороны США маловероятно, и что Канаде надо брать инициативу в свои руки, если она хочет, чтобы американо-канадские отношения воспринимались и регулировались, исходя из более широкой и логичной перспективы. Это не означает, что такая инициатива будет в США плохо встречена; скорее, её здесь просто вряд ли выдвинут» [13, р. 4].

8. Крайне медленный, неуверенный, а временами и отсутствующий вовсе **«перелив» интеграции из сферы экономики в другие,** прежде считавшиеся

тесно взаимосвязанными с её развитием сферы социальной и «национальной идентичности». Если в Европе, особенно после введения евро, всё большее число граждан разных стран ощущают себя «европейцами» (хотя провал с одобрением Конституции ЕС на референдумах во Франции и Нидерландах в 2005 г. и здесь требует осторожности в оценках), то в Северной Америке тенденция к усилению экономической интеграции сочетается с настроениями в пользу укрепления национального самосознания, политической, социальной и культурной неповторимости, идёт ли речь о защите национальной культуры, системы общественного здравоохранения или доступности для населения высшего образования. Поэтому идеалом североамериканской интеграции провозглашается общий экономический рынок наряду с сохранением самобытной культурной и социальной мозаики участвующих стран.

Корень различий частично кроется в семантике. Если голландец, например, не испытывает никакого дискомфорта, идентифицируя себя и как жителя своей страны, и как европейца, то для канадца невозможно без ущерба для психики ни назвать себя «американцем» (ибо это подразумевает его подчинённое положение), ни «североамериканцем» (ибо это затушёвывает его индивидуальность). В Канаде сам термин «континентализм» в значении «регионализм» носит уничижительный характер. Как отмечал ещё в 1976 г., задолго до подписания ФТА и НАФТА, уже упоминавшийся Дж. Холмс, «даже те в Канаде, кто выступают за совместное управление и использование (североамериканских) ресурсов и, возможно, переход к “свободной торговле” с США, не хотят, чтобы их называли континенталистами» [12, р. 31].

Суть проблемы хорошо передана в следующем пассаже, принадлежащем перу бывшего министра иностранных дел Канады и известному интеллектуалу Л. Эксуорзи: «Мексиканцы, американцы и канадцы уже обладают хорошо развитой самобытностью. Вопрос в том, чтобы предложить такое североамериканское обрамление, воздействие которого было бы достаточно лёгким и не разрушало существующего североамериканского пейзажа, образованного сочетанием разной истории и культуры. Мне кажется, что институционально североамериканское сообщество будет намного легче и гибче европейской модели...» [20]. Отсюда предложенное им противопоставление идеальных образов: если в Европе речь идёт о строительстве общеевропейского дома (с двойным гражданством, конституциями, флагами – национальными и Европейского Союза и т.п.), то в Северной Америке – о кондоминиуме, в котором каждая проживающая семья остаётся хозяином в собственной квартире, но вместе с другими членами кооператива участвует в управлении общим пространством – холлами, лифтами, лестничными пролётами.

9. По-разному понимаемая роль государства. В отличие от Европы, где правительства стояли у истоков объединённой Европы и всё ещё задают направление и темп интеграции, роль государства как в Канаде, так и в США заключается не в том, чтобы напрямую руководить интеграцией и ростом взаимозависимости: в целом, с этим хорошо справляется частный сектор. Задача государства состоит, скорее, в том, чтобы способствовать созданию нужных условий, следя при этом за тем, чтобы экономическая интеграция отвечала национальным интересам [21, р. 4, 5]. В Канаде, кроме того, ещё свежи вос-

Таблица 1

Североамериканская и европейская модели интеграции в сравнении

	НАФТА	Евросоюз
Количество участников	3	27
Характер отношений	Сильно асимметричный с одним доминирующим участником	Четыре (или «четыре с половиной» с учётом Испании) крупные страны, уравновешивающие друг друга
Цели интеграции	Прагматические, экономические	Политический союз
Направление интеграции	Интеграция «снизу»	Интеграция «сверху»
Движущие силы	Решения американских ТНК в сфере инвестиций	Политическая воля интегрирующихся государств
Характер интеграции	Спонтанный (стихийный)	Планомерный — от одной стадии к другой
Управление интеграцией	Параллельными усилиями суверенных государств и на базе североамериканского торгово-инвестиционного режима, включающего два главных элемента: соглашение НАФТА, отличающееся точностью и детальностью формулировок и обладающее в силу этого нормотворческим характером, и реальную административную практику в виде решений нафтовских трибуналов по торговым спорам и результатов деятельности многочисленных комиссий и рабочих групп, действующих под эгидой этой организации	С помощью наднациональных институтов
Охват интеграцией	Ограниченный, в основном — торгово-инвестиционная сфера, а также оборона; после терактов 11 сентября 2001 г. возникновение новой связки «экономика (торговля) — национальная безопасность»	Гораздо более широкий
Роль государства	Пассивная, охранительная, направленная на то, чтобы минимизировать для Канады негативные (политические) последствия экономической интеграции	Активная, побудительная
Модель интеграции	«Хаб-энд-споукс» (гелиоцентричная) — концентрическая радиальная структура в центре которой страна-гегемон, взаимодействующий на двусторонней основе с периферийными государствами при незначительности их связей между собой	Полицентрическая структура, ядро которой составляют несколько крупных государств, уравновешивающих друг друга и задающих направление и темп интеграции

поминания о том времени, когда правительство П. Трюдо (1968–1979, 1980–1984 гг.) проводило в Канаде антиинтеграционную политику, включая приня-

тие таких мер, как «канадизация» национальной экономики, «диверсификация» внешнеторговых связей, Национальная энергетическая программа. Поэтому с заключением фритредерских соглашений большой бизнес и обслуживающие его интересы «мозговые» центры связывали и другие далеко идущие цели – ограничить роль государства в экономике, повысив значение рыночных сил. «Торговые договоры, – пишет, например, директор Центра глобализации в Институте Фрейзера Фред Макмаон, – ограничивают власть государства. Соглашения о свободной торговле позволяют частным лицам и компаниям вести торговлю с зарубежными странами без какого-либо контроля за свободным обменом со стороны государства. Такие соглашения лишают государство права контроля за торговлей и ключевыми экономическими рычагами и передают его в руки свободных индивидов» [14, р. 6]. При этом сверхзадача заключается в том, чтобы, цитируя на редкость откровенное признание президента «Института Си-Ди-Хау» Дж. Минца, «гарантировать, чтобы государственные институты не подорвали того преуспевания, которое проистекает от экономической интеграции» [17, р. 14].

Таким образом, в Северной Америке национальные государства долгое время не только не способствовали развитию экономической интеграции, но и, в случае с Канадой и Мексикой, в прошлом неоднократно предпринимали попытки обратить её вспять.

Приведённые выше рассуждения можно свести в таблицу 1.

В целом, роль рынка, частной инициативы и спонтанности в развитии североамериканской интеграции намного больше, чем в Европе, где преобладающее значение имеют политико-государственные рычаги. Таким образом, с известной долей условности можно утверждать, что две модели интеграции североамериканская и европейская соотносятся между собой как неолиберальная (рыночная) и государственно-монополистическая.

НАФТА в сравнении с другими интеграционными группировками

Продemonстрированные выше особенности североамериканской модели интеграции сформулированы, что называется, «от противного», отталкиваясь от европейской модели – первой по времени возникновения и до сих пор считающейся эталонной. Но после появления с конца 1980-х годов на волне «нового регионализма» ряда других «географических» моделей диапазон сравнений сделался намного шире и поучительней.

Здесь следует оговориться, что проблема сопоставительного анализа в интеграционистике относится к числу недостаточно изученных. Одни учёные и научные центры ведут активную разработку общих подходов и конкретной методики для проведения таких сравнений. Другие же, признавая большую несхожесть региональных моделей интеграции, вообще сомневаются в нужности таких сравнений и в их общей полезности. Ни в коей мере не предвосхищая результатов этой дискуссии, в данном параграфе нами преследуется цель очертить роль, место и отличия НАФТА от других интеграционных группировок исключительно в иллюстративном порядке.

Из достаточно скудного набора прямых сопоставлений, встречающихся в научной литературе, мы отобрали, на наш взгляд, три наиболее репрезентативных. Все они сведены в табличную форму самими авторами и потому довольно лаконичны: первая таблица составлена канадским политэкономом Э. Хеллейнером, вторая – американским мэтром политологии Дж. Айкенберри, а третья – российским экономистом А.М. Либманом*. Ниже они приведены в хронологическом порядке.

Таблица 2

Три модели континентальной интеграции в сравнении

Модели	Степень интеграции	Региональные структуры	Соотношение между государством и рынком	Приверженность гармонизации
Европейская	Средняя	Продвинутые	Социальный рынок	Высокая
Североамериканская	Высокая	Ограниченные	Неолиберальная модель	Оставлена на усмотрение рынка
Восточноазиатская	Низкая	Очень ограниченные	Модель развивающего типа	Низкая

Helleiner E. Regionalization in the International Political Economy: A Comparative Perspective. Toronto: University of Toronto-York University Joint Centre for Asian Pacific Studies, 1994. P. 46a-ii.

Таблица 3

Разнообразие регионализма

Организационная модель	Источник региональной интеграции	
	Экономический	Политический
Однополярная / иерархическая	НАФТА	Сфера совместного процветания могущественной Восточной Азии (1930-е годы)
Многополярная / децентрализованная	АТЭС	ЕС

Айкенберри Дж. Регионализм: конкуренция или сотрудничество? // От биполярной системы к эпохе глобализации. Учебное пособие по международным отношениям / Под ред. Дж. Айкенберри и В. Парси. Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 2003. С. 176.

* Классификация последнего особенно ценна, поскольку столь широкие сопоставления в отечественной литературе встречаются нечасто. Можно разве что вспомнить лапидарную работу А.В. Савицкого «Проблемы и основные модели регионализма в мировой экономике», в которой выделяются, насколько можно понять, три основные модели – классическая (Европейский Союз), НАФТА, которую автор почему-то называет «атлантической моделью интегрирования», азиатские модели типа АСЕАН и АТЭС, а также две «неосновные» – латиноамериканская и африканская.

Таблица 4

Сравнительная характеристика формальной и неформальной интеграции в различных регионах мира

	Юго-Восточная и Восточная Азия	Северная Америка	Латинская Америка	Европа	Африка
Результативность формальной инте- грации	Низкая — АСЕАН, АТЭС	Средняя — НАФТА	Низкая — МЕРКОСУР, Андская группа, КАРИКОМ	Высокая — ЕС	Низкая
Масштабы взаимных инвестиций и дея- тельности ТНК	Значительные — японские ТНК, ки- тайские деловые сети	Значительные — американские кор- порации в Канаде и Мексике	Незначительные	Значительные	Незначительные
Масштабы трансгра- ничных сетей и ми- грации	Значительные — китайские деловые сети	Значительные — в основном эмигра- ция из Мексики в США	Неопределенные — возможно, в сфере теневой экономики	Значительные	Сравнительно высо- кие (параллельная торговля)
Масштабы субрегио- нального сотрудни- чества	Незначительные — треугольники роста	Средние — в ос- новном проекты «снизу»	Незначительные — отдельные проекты	Высокие — в основном стимулируются «свер- ху» финансированием ЕС	Незначительные, в основном деятель- ность частного биз- неса
Взаимосвязь фор- мальной и нефор- мальной интеграции	Неформальная ин- теграция как суб- ститут формальной	Неформальная ин- теграция как сти- мул развития фор- мальной	Независимое развитие формальной и нефор- мальной интеграции, ограниченная региона- лизация за счёт жёст- кого протекционизма	Взаимовлияние и взаимообусловлен- ность формальной и неформальной инте- грации	Неформальная ин- теграция как суб- ститут формальной интеграции и слабо- го государственного управления

Либман А.М. Модели корпоративной интеграции: региональные особенности // МЭ и МО. 2008. № 5. С. 53.

Экспликация расхождений

Пытаясь объяснить столь очевидное несходство (разнообразие) «географических» регионализмов, учёные связывают их с некоторыми фундаментальными особенностями, присущими тем или иным странам и регионам. По большому счёту, таких объяснений насчитывается три: (1) преобладающий в регионе тип капитализма со свойственной ему ролью государства в экономике, (2) господствующая система права и, с некоторой натяжкой, (3) форма государственного устройства в интегрирующихся странах, в частности, федерализм.

1. Современная наука различает особые модели капитализма, прямо связанные с регионами своего базирования. Одним из родоначальников такого подхода был французский учёный Мишель Альбер, который в известной книге «Капитализм против капитализма», опубликованной в 1991 г., выделил и противопоставил две модели: «англосаксонскую» (неоамериканскую) и «германо-японскую», также называемую им «альпийской» и «рейнской» [4]. Первая модель господствует в таких странах, как США, Великобритания, Канада, Австралия и Новая Зеландия. Вторая – в Германии, Швейцарии, Бельгии, Нидерландах, Люксембурге, странах Северной Европы (прежде всего, скандинавских), а также Франции и Японии. Характерными чертами англо-американской модели капитализма являются приверженность свободной торговле, автономность (независимость) банковско-финансовой системы, ограниченность роли государства в экономике, ставка на индивидуальный успех и получение корпорациями прибыли в кратчайшие сроки. У германо-японской модели другие особенности: «стратегическая торговля», долгосрочные инвестиции, партнёрские методы корпоративного управления и формирования политики.

Более поздние исследования существенным образом дополнили и детализировали эту картину. Одной из наиболее влиятельных считается типология режимов производства, предложенная британским экономистом с русскими корнями Дэвидом Соскисом [23, р. 103]. Он разделил все демократические государства на два больших класса: некоординированные или либеральные рыночные экономики (*uncoordinated or liberal market economies*) и координированные бизнесом рыночные экономики (*business-coordinated market economies*). Главное отличие между ними заключается в способности (или неспособности) бизнеса наладить сотрудничество в собственной среде, а равно, и с другими экономическими акторами. Там, где потенциал бизнеса в этом смысле ограничен (в англосаксонских странах), возникают некоординированные или либеральные рыночные экономики. Там, где он значителен (континентальная и Северная Европа, Восточная Азия), появляются координированные рыночные экономики. В либеральных экономиках большинство транзакций определяется ценовыми сигналами, посылаемыми рынком. В координированных же – они подвижны и изменчивы. Взаимодействие между экономическими акторами основано на доверительных отношениях, имеющих долгосрочный характер и являющихся относительно устойчивыми к сбоям, вызываемым краткосрочными ценовыми сигналами. По Соскису, обе модели имеют равное право на существование и ни одна из них не является предпочтительной.

В заданной системе координат Канаду можно, с некоторыми оговорками, отнести к категории некоординированных либеральных рыночных экономик. Экономисты М. Атkinson и У. Коулмэн отмечают наличие в этой стране «производственной культуры, в центре которой находится компания. Эта культура зиждется на признании самодостаточности компании, независимости менеджмента в области принятия инвестиционных и кадровых решений и в опоре на рынок при размещении капитала и распределении трудовых ресурсов» [5, р. 33]. Это плохо сочетается с директивной ролью государства в экономике и с плотной сетью межфирменных отношений, – признаками, которые характерны для координированных рыночных экономик.

В дальнейшем, Д. Соскис с коллегами выделили ещё один тип производственного режима – капитализм с ведущей ролью государства (*state-enhanced capitalism*), который, как он считал, развивается в Восточной Азии [24].

Та «система, которая существует в Канаде, – пишут Р. Хэддоу из Торонтского университета и Т. Клейсен из Йоркского университета, – помещает финансовые организации, промышленные корпорации и государство в разные отсеки... Хотя в отличие от многих других стран с либеральной рыночной экономикой государство в Канаде зачастую принимало больше участия в стимулировании экономического роста, оно всё же не занимается стратегическим и директивным планированием, характерным для стран с “ведущей ролью государства в экономике”. По мнению этих авторов, некоторые моменты – а именно, глубоко укоренившаяся среди государственных структур традиция считаться с гражданским обществом, фрагментирующий характер канадского федерализма и внутренней организации правительства – «взрастили традицию слабого государства и отбили охоту к принятию политических решений “на опережение” ситуации» [10, р. 17].

Уже упоминавшийся У. Коулмэн связал характерную для разных типов капитализма политическую власть в экономике с разной степенью институализации региональных интеграционных группировок. Согласно его логике, «поскольку континентальные европейские государства обычно проводят интервенционистскую экономическую политику, то сложение их суверенитетов обрачивается для органов Евросоюза высокой степенью правоспособности и регулирующей мощи. Напротив, страны – члены НАФТА, больше приверженные роли государства как “ночного сторожа”, ...не видят смысла в учреждении на региональном уровне чего-то более амбициозного, чем зона свободной торговли» [7, р. 180].

2. Другая гипотеза состоит в том, что существует связь между такой важной чертой модели интеграции, как наличие или отсутствие управляющих надстроечных структур, и господствующей системой права.

Доказательству этого тезиса посвящена монография Франческо Дуины, который рассматривает Евросоюз, НАФТА и латиноамериканский блок МЕРКОСУР. По его наблюдениям, те страны, в которых преобладает общее или прецедентное право (*common law*), обычно предпочитают прагматичный, гибкий и минималистский подход к процессам региональной интеграции. Напротив, страны, относящиеся к континентальной или романо-германской системе права, основанной на римском праве (*civil law*), выбирают идеалистиче-

ский, жёсткий и интервенционистский путь. К первой категории государств относятся США и Канада (за исключением Квебека), ко второй – первоначальная «шестёрка» ЕЭС, латиноамериканские государства.

Ф. Дуина так аргументирует свою позицию: «Римское право представляет попытку кодифицировать мир априори с тем, чтобы облегчить социальную жизнь. Общее же право – это реагирующий, от случая к случаю, и, следовательно, постепенный подход к процессам регулирования. Первая система права более идеалистична и жёстка, вторая – более прагматична и гибка. Бюрократия региональных торговых группировок инстинктивно тяготеет к интервенционализму, когда они образуются на территории государств, приверженных традициям римского права: это логичное решение на фоне какофонии национальных законодательств. Напротив, бюрократия естественным образом склоняется к минималистскому подходу, когда она действует в рамках традиций общего права» [8, р. 6].

«Общее право, – рассуждает он далее, – отражает некий англосаксонский прагматизм: тенденцию уйти от абстракции, избежать априорных моральных и других принципов, предрасположенность воспринимать реальность такой, как она есть, склонность позволить социальным институтам возникнуть из гущи общественной жизни вместо того, чтобы конструировать их, исходя из идеальных представлений. Англосаксонский прагматик никогда не будет мечтать о кодификации мира, тем более о разработке бесчисленных законов для априорного регулирования жизни граждан. С другой стороны, традиции римского права, безусловно, являются отражением неких форм континентального идеализма. Этот идеализм олицетворяет стремление к завершённости и совершенству как в познании реальности, так и в последующей эволюции человечества. Континентальный идеалист съёживается от мысли о том, что социальная жизнь может развиваться своим порядком без руководства со стороны ранее установленных ограничений и правил. Такой подход является и основополагающим, и лишённым какой-либо надежды: это капитуляция перед реальностью в противовес оптимистической (если не романтической) попытке отойти от общего и побороться за что-нибудь лучшее» [8, р. 207].

3. И, наконец, последнее предположение – наличие определённой зависимости между характером интеграции и формой государственного устройства. Как утверждает канадский специалист М. Моррисон, сравнивая ситуацию в Европе и Северной Америке, «европейский опыт ...отражает возможности стран с сильными исполнительными ветвями власти... Ни одна из стран-участниц не функционирует на основе децентрализованной системы с участием Президента и Конгресса, предполагающей существование системы «сдержек и противовесов». Когда европейские лидеры встречаются для устранения различий, они обладают всей полнотой власти, чтобы законодательно закрепить и реализовать на практике результаты своих договорённостей. Напротив, сильно фрагментированный процесс принятия решений в США делает весьма сложной для центральной власти задачу надзора за законотворческой деятельностью штатов или даже некоторых независимых федеральных ведомств, учреждённых Конгрессом. ...Точно так же федеральное правительство в Канаде, полностью правомочное в сферах своей компетенции, не может указывать

провинциям, что им делать в тех областях, где они обладают исключительной юрисдикцией. Хотя можно представить себе двустороннее соглашение, которое подчинило бы собственным правилам, процедурам и институтам весь процесс принятия решений в области госрегулирования, такое соглашение было бы очень трудно заключить и ещё труднее реализовать на практике. Как показал опыт практического применения значительно менее «вторгающихся» в юрисдикцию субъектов федераций соглашений ФТА и НАФТА, временами центру не удавалось договориться ни с отдельными американскими штатами и независимыми федеральными ведомствами, ни с некоторыми канадскими провинциями» [18, р. 32]. Тем самым автор усматривает в федерализме как форме государственного устройства определенное препятствие на пути поступательного развития региональной экономической интеграции, особенно на её высших стадиях.

* * *

Когда-то канадо-американская интеграция и Совет экономической взаимопомощи (СЭВ), олицетворявший «социалистическую» интеграцию, воспринимались как антиподы. Как было сказано в одной давнишней работе, «интеграция в рамках СЭВ была как бы зеркальным отражением североамериканской интеграции, где минимальное развитие получили межгосударственные органы, а максимальное – взаимодействие на уровне фирм».

Но оказалось, что между НАФТА и процессами, происходящими после 1991 г. на постсоветском пространстве, есть и нечто общее. И прежде всего, это такая фундаментальная вещь как однотипная – гелиоцентричная – модель с одним доминирующим государством во главе в окружении нескольких сильно уступающих ему по экономическому, политическому и, тем более, военному весу участников, которые испытывают постоянное беспокойство за свой национальный суверенитет и не спешат с ним расставаться ради создания наднациональных органов. Именно это, как представляется, порождает возникновение некоторых схожих задач в области управления интеграцией, не свойственных Евросоюзу, и диктует целесообразность изучения и учёта отдельных элементов североамериканского опыта при выстраивании Россией грамотной стратегии на постсоветском пространстве.

Список литературы

1. Канада – США: экономические и политические отношения / Отв. ред. С.Ф. Молочков, В.Б. Поволоцкий. М.: Наука, 1983. 304 с.
2. *Лавровская Т.В.* Североамериканская интеграция: экономические и политические аспекты. М.: Наука, 1987. 272 с.
3. *Тренин Дм.* Интеграция и идентичность. Россия как «новый Запад». М.: Баккара-принт, 2006. 403 с.
4. *Albert M.* Capitalisme Contre Capitalisme. Paris: Editions du Seuil, 1991. 237 p.
5. *Atkinson M., Coleman W.* The State, Business and Industrial Change in Canada. Toronto: University of Toronto Press, 1989. 237 p.

6. *Blank S., Golub S., Stanley G.* Mapping the New North American Reality. Conclusion. IRPP Working Paper Series No. 2004-09q.
7. *Coleman W.* Globalization, Regionalization and Democracy // Globalization in the Twenty-First Century. Convergence or Divergence? / Ed. by A. Hulsemeyer. (International Political Economy Series). Basingstoke and N.Y.: Palgrave Macmillan, 2003.
8. *Duina F.* The Social Construction of Free Trade: The European Union, NAFTA, and MERCOSUR. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2006. 249 p.
9. *Dymond B., Hart M.* Trade Policy at the Crossroads // Policy Options. February 2004.
10. *Haddow R., Klassen T.* Partisanship, Globalization, and Canadian Labour Market Policy. Four Provinces in Comparative Perspective. Toronto, Buffalo, London: University of Toronto Press. 2006. 390 p.
11. *Holmes J.* Life with Uncle: The Canadian-American Relationship. Toronto, Buffalo, London: University of Toronto Press. 1981. 144 p.
12. *Holmes J.* The Concept of North America // Canada and the United States: Transnational and Transgovernmental Relations / Ed. by A. Fox, A. Hero, J. Nye. N.Y.: Columbia University Press, 1976. 443 p.
13. *Mason D. N.* Canada Alert. Trade and Security in North America. The Importance of Big Ideas. CSIS. Hemisphere Focus. Vol. XII. Issue 9 (July 2, 2004).
14. *McMahon F.* The Problem with Sovereignty // The Fraser Forum. March 2005.
15. Mexico: Canada's Other NAFTA Partner. In 3 Vols. Report of the Standing Senate Committee on Foreign Affairs. Vol. 3. Ottawa, March 2004.
16. *Meyers D.W., O'Neil K.* Immigration: Mapping the New North American Reality. IRPP Working Papers Series No. 2004-09i.
17. *Mintz J.M.* Canada Wants In, Too: A Blueprint to End Western Alienation and Restore Canada's Global Stature. Prepared for the Canadian Club of Calgary, 13.01.2004.
18. *Morrison M.* Cross-Border Economies and Their Institutional Linkages. An Effective Strategy to Build Consensus on a Border Policy that Enhances a Shared US-Canadian Competitive Advantage // Blueprint for Canada-US Engagement under a New Administration. Conference Papers. Carleton University, Canada-US Project, December 2008 (www.carleton.ca/ctpl/conferences/ConferencePapers.htm).
19. New Frontiers. Building a 21st Century Canada-United States Partnership in North America. A Discussion Paper of the Canadian Council of Chief Executives. April 2004.
20. Notes for an Address by the Hon. Lloyd Axworthy to the Canadian Institute of International Affairs 1998 Foreign Policy Conference. Ottawa: Department of Foreign Affairs and International Trade. 16.10.1998.
21. Notes for and Address by the Hon. Bill Graham, Minister of Foreign Affairs, at the Kroeger Leadership Forum. Ottawa, DFAIT Statement. 10.02.2004.
22. *Pastor R.* North America's Second Decade // Foreign Affairs, Jan/Feb. 2004.
23. *Soskice D.* Divergent Production Regimes: Coordinated and Uncoordinated Market Economies in the 1980s and 1990s // Continuity and Change in Contemporary Capitalism / Ed. by H. Kitschelt et al. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 527 p.

24. Varieties of Capitalism / Ed. by P. Hall and D. Soskice. Oxford: Oxford University Press, 2001. 560 p.
25. *Welsh J.M.* North American Citizenship: Possibilities and Limits // The Art of the State II. Thinking North America. Montreal. IRPP, 2005. No. 7.
26. *Whitaker R.* The Flight from Politics // Inroads. 2002. No. 11.
27. *Wilkinson B.W.* Regional Trading Blocs: Fortress Europe Versus Fortress North America // The New Era of Global Competition. State Policy and Market Power / Ed. by D. Drache and M.S. Gertler. Montreal & Kingston, London, Buffalo: McGill-Queen's University Press, 1993. 450 p.
28. World Development Indicators. The World Bank. Wash., D.C.
(<http://data.worldbank.org>).

Вышла из печати

Е.Г. КОМКОВА

**КАНАДА В ПРОЦЕССАХ СЕВЕРОАМЕРИКАНСКОЙ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ:
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ.
М.: ИСКРАН, 2011.**